

Баранов Андрей Владимирович

доктор исторических наук, доктор политических наук,
профессор кафедры политологии
и политического управления
Кубанского государственного университета

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА
НА ЮГЕ РОССИИ
В 1920–1933 ГГ.: ОСНОВНЫЕ
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

Аннотация:

В статье раскрыты основные тенденции развития миграционных процессов и миграционной политики на юге России за период 1920–1933 гг. Внимание сосредоточено на динамике численности населения и урбанизации, причинах и пространственной направленности переселений, мотивах партийно-государственной миграционной политики. Выявлено влияние этнополитических конфликтов в Терской области и сословной вражды, коллективизации на миграционные процессы.

Ключевые слова:

миграционная политика, миграционные процессы, урбанизация, новая экономическая политика, коллективизация, юг России, 1920–1933 гг.

Baranov Andrey Vladimirovich

D.Phil. in Political Science, D.Phil. in History,
Professor, Political Science
and Political Management Department,
Kuban State University

**MIGRATION PROCESSES
AND MIGRATION POLICY
IN THE SOUTH OF RUSSIA
IN 1920–1933: THE KEY
DEVELOPMENT TRENDS**

Summary:

The article deals with the main development trends of migration processes and migration policy in the South of Russia during the period of 1920–1933. The author focuses on the dynamics of population size and urbanization, the causes and the spatial direction of migrations, the motives of the state migration policy. The paper discusses the influence of ethno-political conflicts in the Terek region and class enmity, collectivization on the migration processes.

Keywords:

migration policy, migration processes, urbanization, New Economic Policy, collectivization, South of Russia, 1920–1933.

Актуальность темы статьи заключается в том, что именно в период отечественной истории от окончания Гражданской войны до завершения коллективизации (1920–1933 гг.) определились базовые признаки демографической структуры юга России и административно-территориальное деление макрорегиона. Данные параметры оказывают большое влияние на современные миграционные и этнополитические процессы, что делает их исследование актуальным.

Цель статьи – установить основные тенденции развития миграционных процессов и миграционной политики на юге России в 1920–1933 гг.

Географические рамки исследования включают в себя юг России (территории Донской, Кубано-Черноморской, Терской областей, Черноморской и Ставропольской губерний в 1920-х гг.). Применительно к периоду 1924–1930 гг. понятия «юг России» и «Северо-Кавказский край, за исключением автономий» используются как синонимы. В 1930–1933 гг. Дон, Кубань и Черноморье образовывали Азово-Черноморский край, а Ставрополье и Терек оставались вместе с автономиями в составе Северо-Кавказского края.

Степень разработанности означенной темы недостаточна. В советский период историография уделяла слабое внимание миграционным процессам в аграрных регионах, замалчивался фактор этнической и религиозной вражды как причина выезда русских из автономий Северного Кавказа. Наиболее профессионально был исследован всесоюзный уровень миграционных процессов, приоритет отдавался событиям начала 1920-х и 1929–1932 гг. Следует выделить важнейшие работы Ю.А. Полякова [1] и В.Б. Жиромской [2]. В постсоветский период историки уделяют внимание дискуссионным аспектам темы: оценке последствий голода 1921–1922 и 1932–1933 гг., этнополитических конфликтов и районирования автономий Северного Кавказа, землеустройству, перенаселенности городов. Здесь следует отметить труды В.А. Бондарева и Т.В. Панковой-Козочкиной [3], Н.Ф. Бугая [4], Е.А. Зуйкиной [5], М.Ю. Макаренко [6], Е.Н. Осколкова [7], В.Н. и Я.В. Ракачевых [8], А.П. Скорика [9]. Недостаточно изученными остаются миграционные процессы на Ставрополье, Терек и Черноморском побережье.

Исследование миграционных процессов 1920-х – начала 1930-х гг. затруднено перекрытиями административных границ. В итоге население юга России за 1914–1921 гг. сократилось с 9 603,4 до 6 909,3 тыс. чел. По переписи 1926 г. Северо-Кавказский край (без Дагестанской АССР) имел население 8 364 тыс. чел. [10]. За 1922–1926 гг. восстановилась довоенная численность населения региона в сопоставимых границах.

Второе важное обстоятельство, затрудняющее анализ миграционных процессов в исследуемый период, – степень достоверности текущего учета населения. Исходное положение общества наиболее объективно отражено в материалах Центрального статистического комитета по состоянию на 1 января 1914 г. Перепись 1920 г. смогла охватить лишь местности, где уже прекратилась Гражданская война. В целом по стране было учтено 70 % жителей, а в Кубано-Черноморской области – 61 % [11, с. 8; 12, с. 145]. Более объективны итоги городской переписи 1923 г. и всеобщей переписи 1926 г., дающие научно обоснованную характеристику населения. Но изменения критериев группировки данных (отличий города от села, этничности) затрудняют сравнение показателей по периоду 1924–1933 гг. Гнездовые обследования, проводимые партийными органами, несопоставимы из-за различий произвольно выбранных показателей. Качество статистических и партийно-государственных документов снижается с началом коллективизации.

Последствия войн усугублены экономической политикой начала 1920-х гг., не оставлявшей достаточных продовольственных и медицинских ресурсов для восстановления численности населения. Засуха 1921 г. в сочетании с чрезмерным налогообложением вызвала массовый голод в Поволжье и на юге России. Безвозвратные потери населения, т. е. повышенная смертность и уменьшение числа рожденных, составили по стране 5 053 тыс. чел. [13, с. 91]. На юге России голодало более 1,5 млн чел. (20 % всего населения), в том числе 641,4 тыс. чел. (74,6 % населения) в Ставропольской губернии и 638 тыс. чел. (около 50 %) в Донской области [14]. В Ставропольской губернии за 1921 и 1922 гг. умерло 40–45 тыс. чел., а 100–120 тыс. выехали в другие регионы юга России [15, с. 75–77]. Отрицательный естественный прирост был в 1920–1922 гг. по всему краю. Это объяснялось притоком беженцев из голодавших местностей. «На Кубани в 1922 г. умирало Поволжье», – сделал вывод статистик В.И. Смирнский [16, с. 146].

Новая экономическая политика, благотворное воздействие которой сказалось к 1924 г., способствовала быстрому росту населения. С учетом миграции общий прирост населения юга России за 1920–1926 гг. выше общесоюзного: он составлял 14,08 против 9,56 % [17; 18, с. 8–11].

Значительное влияние на миграционные потоки оказывала урбанизация. 1 января 1914 г. горожане составляли 18 % населения страны и 11 % на юге России. За время мировой и гражданской войн шел массовый отток горожан Центральной России в зернопроизводящие сельские местности, где легче было выжить. Напротив, городское население юга резко возросло за счет беженцев – эвакуированных рабочих, военнослужащих, интеллигенции, маргиналов. В 1920 г. уровень урбанизации страны снизился до 15,6 %, а края – возрос до 17,4 % (без учета ряда местностей Донбасса и Таганрогского округа, переданных Украине) [19; 20, с. 10–17]. Столь стремительные перемены были недолговечными и вызывались кризисом, разрывом традиционных взаимосвязей в обществе. Завершение Гражданской войны повлекло за собой спад численности горожан. Напротив, новая волна урбанизации, отмеченная в 1926 г., вызвана потребностями рыночного хозяйства и условиями свободного передвижения. Перепись зафиксировала 17,9 % городского населения в СССР и 19,8 % – на Северном Кавказе (включая жителей поселков). Наибольшая концентрация горожан наблюдалась в Донском (39,8 % населения), Черноморском (38,6 %) и Таганрогском (32,2 %) округах. Меньше всего горожан по удельному весу – в населении автономий (2 %), Сунженского (0), Сальского (1,5 %) и Донецкого (4 %) округов [21]. Сохранялась крайняя неравномерность урбанизации местностей. За 1920-е гг. лишь восстановился довоенный удельный вес горожан, территориальное распределение населения не изменилось.

Постоянным фактором были широкомасштабные миграции. Исходное состояние потоков переселенцев начала XX в. выявлено в статье Л.И. Бородкина и С.В. Максимова. По численности принятых переселенцев юг России находился на третьем месте в стране после Сибири и Казахстана. В основном край принимал мигрантов из Левобережной Украины, Центрального Черноземья России, Дагестана и Закавказья [22, с. 124–143]. Войны и революция повысили приток новоселов. Край обогнал Казахстан по размаху переселений. Стали преобладать политические мотивы миграции и нужды выживания. Численность новоселов превысила потребности края в рабочей силе и возможности наделения землей. За 1917–1920 гг. на юге России сменили населенный пункт обитания 122 796 крестьян, за 1921–1923 гг. – 204 401, за 1924–1926 гг. – еще 141 527 крестьян [23]. С учетом осевших в городах края переселение охватило около 700 тыс. чел., из них более 60 % прибыли из-за пределов юга России [24; 25, с. 140]. Они расселялись прежде всего в бывших казачьих областях. Лица, покинувшие место рождения и постоянно проживавшие на момент переписи 1926 г. в Северо-Кавказском крае, составили 2 291,6 тыс. чел. (27,4 % населения края). Еще 195,1 тыс. чел. (2,3 %) проживали в крае временно [26, с. 380, 16].

Крайнее разнообразие природных и хозяйственных условий юга России порождало миграционные потоки из одного округа и области в другую, а также в пределах округов и районов. А.И. Гозулов установил закономерность: отток населения шел из малоплодородных горских местностей, из зон рискованного земледелия (Сальского, Ставропольского округов), а также из перенаселенных Донецкого и Шахтинско-Донецкого округов. Принимали новоселов Кубань, Нижний Дон, Терек, «городские» Грозненский и Владикавказский округа [27, с. 404–405]. М.Ю. Макаренко провела расчеты, по которым большинство неместных уроженцев Кубано-Черноморья прибыло из-за пределов

юга России (от 56,07 до 72,77 % в пяти различных округах); 15,3–21,6 % составляли бывшие жители данной территории; от 10,48 до 27,9 % перемещались в пределах округа [28, с. 86–87].

Сравнение причин миграций позволяет выделить три основных этапа перемещений населения. В 1920–1922 гг. преобладали «стрессовые» миграции, вызванные Гражданской войной и политическим противоборством. Так, секретарь Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б) А.А. Андреев сообщал в докладе пленуму ЦК партии в ноябре 1928 г., что «одних только бывших крупных контрреволюционных землевладельцев – кулаков около 300 тыс. ушло в эмиграцию». Весной 1920 г. из верхнедонских округов эмигрировало до 40 % казаков-мужчин [29, с. 11]. После выступлений казачества против советской власти в 1920 г. были насильно выселены восемь станиц Терской области – 5 011 семей численностью 25 368 чел. Их жители распределены по русским местностям юга России [30, с. 70]. Попытки Грозненского окружного комитета и Кавказского бюро ЦК РКП(б) заселить пустующие разоренные земли рабочими и реабилитированными казаками не были поддержаны центральными органами власти. 17 мая 1921 г. коллегия наркомата по делам национальностей РСФСР постановила прекратить возврат в Горскую АССР казаков, которым отведены наделы в Ставропольской губернии [31, с. 38–40]. Бандитизм вынуждал обезоруженных русских переезжать и позже. Секретарь Юго-Восточного краевого бюро ЦК РКП(б) А.И. Микоян сообщал в ЦК 25 января 1923 г., что «со стороны Чечни и Ингушетии... отмечены частые нападения их на станицы и аулы Кабарды, Терской губернии и Дагестана и массовые угоны скота. На этой почве две станицы Терской губернии, потеряв весь скот, выселились» [32, с. 39].

Противоположная тенденция господствовала в 1923–1929 гг. Миграции вызывались хозяйственными интересами населения, плановый механический прирост населения края был незначителен. Потребовался циркуляр народного комиссариата земледелия РСФСР от 7 августа 1924 г., запрещающий самовольные переселения на юг России, но он остался невыполненным. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 17 августа 1925 г. разрешил плановое переселение в Сальский, Ставропольский, Терский, Донской и Черноморский округа сроком на год [33, с. 135–138, 36]. Однако его размеры составляли малую часть стихийного потока новоселов. За 1924/25 хозяйственный год (с 1 октября по 30 сентября) в краевой фонд было зачислено 7 070 переселенцев, за 1925/26 г. – 32 706. Наделять землей предполагалось прежде всего бедняков, им предоставили 76,5 % выделенных угодий, а середнякам – 17,7 % [34, с. 15]. Потребовались жесткие ограничения. В итоге волна стихийных мигрантов пошла на спад. В 1925/26 г. край принял 10,7 % переселенцев страны, а в 1928/29 г. – 0,5 % [35, с. 138].

В марте 1927 г. проведено I Всероссийское совещание работников по переселенческому делу. Его резолюции предполагали, что Северо-Кавказский край как обжитой, но многоземельный регион войдет в число первоочередных территорий освоения. Совет народных комиссаров РСФСР предложил признать районами общесоюзного значения Черноморский и Терский округа, куда планировалось направить до 700 тыс. чел. Правительство потребовало от краевых земельных органов выделить в колонизационный фонд 200 тыс. семейных наделов. Переселенческий комитет запретил стихийный переезд в Северо-Кавказский край до тех пор, пока с мест не поступят обоснованные квоты заселения. Как установила Е.А. Зуйкина, эти замыслы к 1929 г. были выполнены лишь на 8 % из-за слабого финансирования и снабжения, нецелевого расходования средств, предоставления в основном труднодоступных участков [36, с. 130–136; 37, с. 108–113]. Возник даже поток обратного переселения, распались созданные артели.

Массовая ускоренная коллективизация (1929–1933 гг.) неизбежно повлекла за собой депортации раскулаченных земледельцев и бывших нэпманов юга России. Н.А. Ивницкий обобщил данные ОГПУ СССР об осуждении и депортации раскулаченных к середине 1930 г. В Северо-Кавказском крае число раскулаченных в полтора раза превысило количество кулацких хозяйств. «Тройками» ОГПУ было осуждено более 20 тыс. чел. [38, с. 30–61]. По подсчетам Е.Н. Осколкова, в конце 1932 г. были депортированы жители 15 казачьих станиц (13 на Кубани и 2 на Дону), в том числе – почти все жители станиц Полтавской, Медведовской и Урупской. Суммарно депортированы из региона во время массового голода 1932–1933 гг. более 61 600 чел. [39, с. 18]. Взамен органы власти организовано заселяли в разоренные «чернодосочные» станицы лояльные слои: демобилизованных красноармейцев, бедняцкие группы крестьян, рабочих новых предприятий.

В.Н. Ракачев выявил в фондах Российского государственного архива экономики отчет о результатах вербовки демобилизованных красноармейцев в Азово-Черноморский и Северо-Кавказский края. Согласно директиве заместителя наркомвоенмора СССР С.С. Каменева, были завербованы и отправлены к новому месту жительства 16 681 семья. Членов семей, не считая глав семей, было переселено 34 255 чел. [40, с. 61]. Последствия принудительных миграций были противоречивы. Как установил А.В. Игонин, к ноябрю 1934 г. 55 % (2 048 семей) красноармейцев-новоселов в восьми крупнейших машинно-технических станциях Азово-Черноморского края самовольно уехали, не выдержав сложностей хозяйственной адаптации и конфликтов со старожилами-казаками [41, с. 159–160]. Относительная стабилизация миграционных процессов наступила только по мере упрочения колхозной системы и партийно-государственных мер создания «советского казачества» во второй половине 1930-х гг.

Анализ тенденций развития переселений на юге России 1920–1933 гг. позволяет сделать следующие выводы. В условиях нэпа восстановились традиционные черты миграций – вовлеченность крестьян и городских рабочих в интенсивные переселенческие потоки, направленные прежде всего в казачьи области. Государственная политика слабо влияла на тенденции роста народонаселения. Юг России относился к числу основных регионов, принимавших переселенцев. Если в 1920–1922 гг. преобладали «стрессовые» миграции, вызванные политическим противоборством, то в 1923–1929 гг. перемещения вызывались экономическими мотивами. Напротив, форсированная коллективизация 1929–1933 гг. вызвала массовую депортацию раскулаченных «спецпоселенцев» и жителей «чернодосочных» станиц, их принудительную замену на неадаптированных переселенцев, что подорвало экономический и демографический потенциал южнороссийского сообщества, но одновременно сделало его население более политически лояльным, чем в период нэпа. Массовый поток новоселов направлялся в основном в станичные местности казачьих областей, что вело к закреплению процесса расказачивания.

Ссылки:

1. Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986.
2. Жиромская В.Б. После революционных бурь: население России в первой половине 20-х годов. М., 1996.
3. Бондарев В.А., Панкова-Козочкина Т.В. Казачье-крестьянское хозяйство эпохи нэпа: проблемы модернизации аграрных отношений на Юге России. Новочеркасск, 2012.
4. Бугай Н.Ф. Казаки Юга России: конститутивность, эволюция, современность (XX–XXI вв.). М., 2015.
5. Зуйкина Е.А. В наших специфических условиях // Родина. 1994. № 3–4. С. 135–139.
6. Макаренко М.Ю. Население Северного Кавказа в конце XIX – первой четверти XX века: историко-демографическое исследование. Краснодар, 2009.
7. Осколков Е.Н. Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. Ростов н/Д., 1993. № 1–2. С. 3–23.
8. Ракачёв В.Н., Ракачёва Я.В. Народонаселение Кубани в XX веке. Историко-демографическое исследование. Краснодар, 2005. Т. 1.
9. Скорик А.П. Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: очерки истории. Ростов н/Д., 2008.
10. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Окончательные итоги. М., 1928. Т. 5. С. 46–50.
11. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза. 1922–1991. М., 1993. С. 8.
12. Население и хозяйство Кубано-Черноморской области. Краснодар, 1924. С. 145.
13. Бюллетень ЦСУ. 1923. № 72. С. 91.
14. РГАСПИ (Рос. гос. арх. соц.-полит. ист.). Ф. 17. Оп. 11. Д. 113. Л. 108 ; ГАСК (Гос. арх. Ставропол. края). Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 34. Л. 2 об ; Ф. Р-388. Оп. 1. Д. 35. Л. 16 ; ГАРО (Гос. арх. Ростов. обл.). Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 286. Л. 36.
15. Кругов А.И. Последствия голода 1921–1922 гг. в Ставропольской губернии // Новые страницы истории Отечества. Ставрополь, 1996. С. 75–77.
16. Население и хозяйство ... С. 146.
17. Всесоюзная перепись населения 1926 года ... Т. 17. С. 2–3 ; Т. 5. С. 46.
18. Статистический справочник Юго-Востока России. Ростов н/Д., 1923. Вып. 2. С. 8–11.
19. Всесоюзная перепись населения 1926 года ... Т. 40. С. 56–57.
20. Статистический справочник ... С. 10–17.
21. Всесоюзная перепись населения 1926 года ... Т. 17. С. 2–3.
22. Бородкин Л.И., Максимов В.С. Крестьянские миграции в России/СССР в первой четверти XX века // Отечественная история. 1993. № 5. С. 124–143.
23. Всесоюзная перепись населения 1926 года ... Т. 40. С. 63, 67 ; Т. 42. С. 44–45 ; Т. 39. С. 116–119.
24. Там же. Т. 39. С. 130.
25. Бородкин Л.И., Максимов В.С. Указ. соч. С. 140.
26. Гозулов А.И. Морфология населения. Ростов н/Д., 1929.
27. Там же. С. 404–405.
28. Макаренко М.Ю. Население Кубани в 1920–1926 гг. (историко-демографический аспект) : дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1997.
29. Пути подъема и социалистического строительства сельского хозяйства на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 1929.
30. Жупикова Е.Ф. О переселении терского казачества в 1920 году // Возрождение казачества : материалы науч.-практ. конф. Ростов н/Д., 1995. С. 69–71.
31. Бугай Н.Ф. 20–40-е годы: депортация населения с территории Европейской России // Отечественная история. 1992. № 4. С. 37–49.
32. Там же. С. 39.
33. Переселенческое дело : сб. декретов и распоряжений по переселению. М., 1927.
34. Сельское хозяйство Северного Кавказа и работа земельных органов. Ростов н/Д., 1927.
35. Зуйкина Е.А. В наших специфических условиях. С. 138.
36. Зуйкина Е.В. К вопросу о русских в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп, 1994. С. 130–136.
37. Зуйкина Е.А. Некоторые аспекты переселенческой политики на Северном Кавказе в конце 20-х годов // Новые страницы истории Отечества. Ставрополь, 1996. С. 108–113.
38. Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004.
39. Осколков Е.Н. Указ. соч. С. 18.
40. Ракачёв В.Н. Компенсационные миграции 1930-х гг. на Кубани и Ставрополье // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 2. С. 60–64.
41. Игонин А.В. Казачество и аграрная политика Советского государства в 1920–1930-е гг. // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития. Ростов н/Д., 2010. С. 157–160.

References:

- Agriculture of the North Caucasus and the work of the land authorities* 1927, Rostov-on-Don, (in Russian).
- Andree, EM, Darskiy, LE & Kharkova, TL 1993, *The population of the Soviet Union. 1922-1991*, Moscow, p. 8, (in Russian).
- Bondarev, VA & Pankova-Kozochkina, TV 2012, *Cossack-peasant economy era of the NEP: the problem of modernization of agrarian relations in the South of Russia*, Novocheerkassk, (in Russian).
- Borodkin, LI & Maksimov, VS 1993, 'Peasant migration in Russia/USSR in the first quarter of the twentieth century', *Otechestvennaya istoriya*, no. 5, pp. 124-143, (in Russian).
- Bugay, NF 1992, '20-40-ies: the deportation of the population from the territory of European Russia', *Otechestvennaya istoriya*, no. 4, pp. 37-49, (in Russian).
- Bugay, NF 2015, *The Cossacks of Southern Russia: constitutive, evolution, modern (XX-XXI centuries)*, Moscow, (in Russian).
- Bulletin of the CSO* 1923, no. 72, p. 91, (in Russian).
- Gozulov, AI 1929, *Morphology population*, Rostov-on-Don, (in Russian).
- Igonin, AV 2010, 'Cossacks and the agricultural policy of the Soviet state in 1920-1930-ies', *Cossacks in the socio-cultural space of Russia: historical experience and prospects*, Rostov-on-Don, pp. 157-160, (in Russian).
- Ivnitskiy, NA 2004, *The fate of the dispossessed in the USSR*, Moscow, (in Russian).
- Krugov, AI 1996, 'The consequences of the famine of 1921-1922 in the Stavropol province', *New pages in the history of the Fatherland*, Stavropol, pp. 75-77, (in Russian).
- Makarenko, MY 1997, *Kuban population in the 1920-1926 (Historical-demographic aspect)*, PhD thesis, Krasnodar, (in Russian).
- Makarenko, MY 2009, *The population of the North Caucasus at the end of XIX - the first quarter of the XX century: historical and demographic research*, Krasnodar, (in Russian).
- Polyakov, YA 1986, *The Soviet Union after the Civil War: the territory and the population*, Moscow, (in Russian).
- Oskolkov, EN 1993, 'The tragedy of "chernodosochnaya" villages: documents and facts', *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Seriya: Obshchestvennyye nauki*, Rostov-on-Don, no. 1-2, pp. 3-23, (in Russian).
- Rakachev, VN 2012, 'Compensatory migration of the 1930s in Kuban and Stavropol', *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'*, no. 2, pp. 60-64, (in Russian).
- Rakachev, VN & Rakacheva, YV 2005, *Population Kuban region in the twentieth century. Historical-demographic study*, Krasnodar, vol. 1, (in Russian).
- Resettlement job: coll. decrees and regulations on resettlement* 1927, Moscow, (in Russian).
- Skorik, AP 2008, *The many Cossacks of Southern Russia in the 1930s: A Short History*, Rostov-on-Don, (in Russian).
- Statistical Handbook of South-East of Russia* 1923, Rostov-on-Don, vol. 2, pp. 8-11, (in Russian).
- The census of 1926. The final results* 1928, Moscow, vol. 5, pp. 46-50, (in Russian).
- The population and economy Kuban-Black Sea region* 1924, Krasnodar, p. 145, (in Russian).
- Way lifting and socialist construction of agriculture in the North Caucasus* 1929, Rostov-on-Don, (in Russian).
- Zhiromskaya, VB 1996, *After the revolutionary storms: the population of Russia in the first half of the 20s*, Moscow, (in Russian).
- Zhupikova, EF 1995, 'On the resettlement of the Terek Cossacks in 1920', *Vozrozhdeniye kazachestva: materialy nauch.-prakt. konf.*, Rostov-on-Don, pp. 69-71, (in Russian).
- Zuykina, EA 1994, 'In our specific conditions', *Rodina*, no. 3-4, pp. 135-139, (in Russian).
- Zuykina, EA 1996, 'Some aspects of migration policy in the North Caucasus in the late 20-ies', *New pages in the history of the Fatherland*, Stavropol, pp. 108-113, (in Russian).
- Zuykina, EV 1994, 'To a question about the Russian system of international relations in the North Caucasus', *Northern Caucasus: choosing the path of national development*, Maikop, pp. 130-136, (in Russian).